

М. Мендельсон

СЛЕДУЕТ ЛИ
ПРОТИВОДЕЙСТВОВАТЬ
РАСПРОСТРАНЯЮЩЕМУСЯ
МЕЧТАТЕЛЬСТВУ САТИРОЙ
ИЛИ ПУБЛИЧНЫМИ
ОТНОШЕНИЯМИ?

Уже *Шефтсбери* полагал: средство, останавливающее рост мечтательства и суеверия, — это *шутка* и *благорасположение духа*; и трактат, в котором он отстаивает это мнение¹, — сам по себе шедевр изысканного аттического настроения, в котором лорд так счастливо умел пребывать. Но он пользовался этим методом не без мудрой умеренности: голой сатирой как добавлением к лекарственным средствам и шуткой как приправой к полезным для здоровья продуктам питания, которыми он все время потчует своих читателей. Его последователи не обладали ни его мудростью, ни его умеренностью. Они превратили его тонкую насмешку в оскорбительную сатиру; они шутили без того, чтобы поучать; и поднимали злой смех там, где ожидалось увещание. В итоге насмешка все же не преподносит никакого урока. Вряд ли это подлинное просвещение, если люди из страха быть высмеянными пытаются утаить свои нелепые взгляды. Они в лучшем случае предпочитают надеть маску здорового разума², охотно смеются сами там, где это стало модным тоном; но тем не менее они остаются в своих тайных почивальнях мечтателями — *соблазненными* и *соблазняющими* мечтателями. Истинному благу людей ничто не является более противным, нежели это лжепросвещение, поскольку с каждого уст слетает выхолощенная истина, дух которой давно улетучился; при этом каждый насмехается над предрассуд-

¹ По-видимому, Мендельсон имеет в виду несколько сочинений Энтони Эшли Купера Шефтсбери (1671–1713) — «Письмо об иступлении» (Letter Concerning Enthusiasm, 1708) и «Общее чувство: опыт о свободе остроумия и чувстве юмора» (Sensus Communis: An Essay on the Freedom of Wit and Humour, 1709). В них он предложил высмеять сам фанатизм и развивал свою точку зрения о насмешке как наилучшем способе проверки истинности утверждений.

² Понятие «здоровый разум» (gesunde Vernunft), как правило, употреблялось в ту эпоху в совершенно определенном контексте: если под «здравым рассудком» понимался обычный человеческий рассудок, то «здравый разум» противопоставлялся в спорах нездоровому, извращенному разуму других. См. об этом: *Круглов А. Н.* Тененс, Кант и дискуссия о метафизике в Германии второй половины XVIII века. М., 2008. С. 273–274.

ками³, не отличая в них истинное от ложного. Теперь впору было бы упражняться во врачебном искусстве в больнице, где каждый больной мнит себя врачом! В таком же смятении находится друг подлинного просвещения в любом обществе, где высмеивание суеверия стало модным тоном.

Не высмеивание, а [само] *просвещение* и есть единственное средство распространения просвещения. Людей нельзя избавить от их ложных представлений о Боге и Провидении ни с помощью смеха сатиры, ни с помощью страха перед внешней властью и авторитетом. То, что мечтательство ищет публичных отношений для своего распространения, заложено в его природе. Соблазн не может быть деликатен относительно средств. *Вольтер* где-то верно сказал: *Фанатизм создает партию, мудрец же остается в одиночестве*. — Лицемерию безразлично, какими путями оно достигло своих намерений. Однако это не годится для разума и религии. Неправедными средствами они никогда не достигнут своей конечной цели. Даже средства предохранения и болеутоления им не подобает использовать. Они знают только *здоровье* или *исцеление*.

Если какое-либо столетие характеризуется склонностью к мечтательству или суевериям, это является потребностью времени. Как только поверхностная философия и безнравственность душ приводят умы в состояние дикости, тогда люди вновь испытывают тоску по *детской наивности* и снова впадают в *детское неразумие*. Людям лучше быть окруженными *привидениями*, чем бродить в мертвой природе среди сплошных трупов. Им лучше жить в сказочной стране с молочными реками, чем продолжать жить *без Бога*. Как часто одному злодею предписывается сдерживать еще большего злодея! Не убивайте первого, не будучи защищены от второго. Атакуйте зло в самом его корне или оставьте его в покое.

Корень зла не может быть устранен иначе, кроме как *просвещением*. Осветите местность — и привидения исчезнут. Выносите на свет всё то, что любит скрываться во мраке. Разоблачайте всё, что касается усилий, тайных отношений, планов и деяний мечтательства, выказывая презрение к совратителю там, где он может быть показан во всей своей наготе; или милосердие, не прибегая к бичу сатиры по отношению к совращенному, заслуживающему сострадания, но не презрительной насмешки.

Отчасти это двойственное зло — неверие и суеверие — присуще и нашему времени вместе с теперешним состоянием нашей философии и с той манерой, как она преподается в школах. В первой половине нашего столетия в немецких школах и в немецких сочинениях господствовала основательность в мышлении, которая становилась отличительной чертой немецкой литературы. Лейбницианско-вольфианская⁴ философия и различные

³ Идея борьбы с предрассудками — одна из основных идей философии немецкого Просвещения. В частности, одним из мыслителей XVIII века, который развивал теорию о предрассудках, был Георг Фридрих Майер (1718—1777), писавший об этом уже в своей «Логике» (1752). Окончательно эта теория была сформирована им в работе «К учению о предрассудках человеческого рода» (1766). Идея о борьбе с предрассудками — одна из трех китов, на которых базируется кантовская философия Просвещения, наряду с идеей самостоятельного мышления и идеей всеобщего человеческого разума. См. об этом: *Хинске Н.* Между Просвещением и критикой разума. Эпюды о корпусе логических работ Канта. М., 2007.

⁴ Мендельсон противопоставляет тут «наивный образ мышления» французской философии XVIII века лейбницианско-вольфианской метафизике, которая, вызывая определенные споры, привела к установлению прочных понятий, отсутствовавших во французской философии. См. о самом понятии: *Круглов А. Н.* Тетенс, Кант и дискуссия о метафизике в Германии второй половины XVIII века. С. 38.

споры, которые она возбуждала, дали такую определенность понятиям и такую прочность рассуждениям, о которых наши соседи до сих пор еще не имеют должного представления. Всякое софистическое сочинение, которое вызывало у них сенсацию, достаточно было только перевести на немецкий язык, чтобы оно явило себя во всей своей слабости и убогости. Язык отказывался и одновременно будто противился принятию той шаткости, в которой так сильно нуждается софист. Слова глубоко врезались туда, где софист желал лишь скользить по поверхности; они также принуждали читателя обратить внимание на тонкие различия, которых софист должен был пытаться избежать. Кроме того, в то время в Германии не наблюдались случаи, чтобы какое-либо атеистическое или мечтательное сочинение вызывало особый интерес. Атеизм и мечтательство далеко не так давали о себе знать, как они осмелились сделать это с недавнего времени; с тех пор, как наши беллетристы начали стесняться своей чопорной педантки, не сумевшей приспособиться к моде; они, и в самом деле, придали ей больше привлекательности и лицемерного приличия, а с другой стороны, лишили ее того свойства, которое было столь ценно для философа. Теперь даже поверхностная болтовня «Системы природы»⁵ нашла себе переводчика и множество читателей; так же, как, с другой стороны, самое нелепое мечтательство грозит прокрасться в лучшие умы и сердца Германии. Итак, немецкой философии следовало бы стремиться вновь вернуться к ее былым преимуществам и правам основательности, исправить шаткие понятия, опровергнуть причины мечтательства, опровергнуть пустой и нежизнеспособный атеизм, который франкомасонствующие писатели сумели поддержать при помощи шутки и издевки; и тогда можно надеяться достичь конечной цели хоть и медленно, но тем более уверенно. Вообще, назначение человека состоит не в подавлении предрассудков, а в их освещении.

⁵ «Система природы, или О законах мира физического и мира духовного» (1770) — знаменитое материалистическое сочинение Поля Анри Гольбаха (1723 — 1789).